

Сохранятся ли «национальные государства» в XXI веке?

Вопрос о судьбе национального государства в современном мире продолжает оставаться в стадии неопределенности. В настоящее время дискуссии о судьбе национального государства выстраиваются по принципу «оптимисты — пессимисты». Первые считают, что традиционные формы общежития не исчерпали свой исторический ресурс и требуют возврата назад — к международному общежитию, субъектами которого были бы не «транс-», «интер-» и «над-» национальные институты политической, экономической и культурной сфер жизни, а, как и прежде, суверенные национальные государства. Тогда как вторые основные надежды связывают с «отмиранием» национального государства, радикальным изменением принципов современного политического устройства мира и выстраивают политические проекты грядущего «сетевого общества» (М. Кастельс), «континентальных федераций» (А. Г. Дугин), «общества множеств — рес-коммуны» (А. Негри, М. Хардт), возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван) или «космополитического государства» (У. Бек)¹.

По мнению У. Бека, например, европейцы лишь «делают вид, будто все еще существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т. д. Но их давно уже нет, так как закрытые национально-государственные держатели власти и отделенные друг от друга границами государства стали ирреальными самое позднее с введением евро»². Думаю, это ошибочное утверждение. Но верно то, что научное осмысление проблемы трансформации национальных государств в современном мире

ГРАНИН Юрий Дмитриевич — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, профессор, доктор философских наук.

Ключевые слова: глобализация, государство, культура, мультикультурализм, нация, политкорректность, постмодернизм.

¹ Подробнее см. **Гранин Ю. Д.** Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 9.

² **Бек У.** Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 7.

осуществляется в пределах сложных и весьма разнообразных онтологических ландшафтов, в границах которых понятия «глобализация» и «национальное государство» перманентно меняют свое содержание, иногда — вплоть до противоположного.

В частности, когда пишут о закате национального государства, в большинстве случаев имеют в виду все современные государства, не потрудившись различить в их числе государства «национальные» (со сложившимися в пределах этой политической формы «нациями» — Франция, Польша, Германия, Япония), «псевдонациональные» (объявленные «национальными», но в действительности созданные на родо-племенной и этнической основе — к их числу относятся почти все постколониальные государства Африки и многие государства Азии) и «многонациональные» (включающие в свой состав несколько сложившихся «этнонаций» — Великобритания, Италия, Россия и др.). В последних нация как связанная посредством воображения и сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, общими ценностями прошлого и настоящего устойчивая социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве, еще не сложилась.

Понятно, что судьба этих государств в условиях современной (неолиберальной) исторической формы глобализации³ в силу многих причин будет разной. В числе основных причин большинство современных исследователей указывают на вынужденную утрату значительной части экономического и политического суверенитета многими государствами «второго» и «третьего» эшелонов развития под давлением США и их союзников по G—7, МВФ и имеющих национальную прописку в этих странах ТНК. Часть этих государств готова добровольно отдать свои суверенные полномочия, выстраиваясь в очередь на вступление в НАТО, Евросоюз и другие международные организации. Другие (как Украина) находятся под внешним управлением и уже утратили статус суверенного государства. Речь, однако, в данном случае пойдет не о них и не о тотальном политическом и экономическом насилии, которое стало нормой международных отношений в последние годы.

В настоящей статье предпринята попытка показать, что угрозы всем национальным и многонациональным государствам Европы эпохи постмодерна⁴ связаны с эрозией их «культурного фундамента» (культурного кода), на котором выстраиваются национальные идентичности. Вызовы последним инспирируются не только идеологией неолиберализма, воплотившейся в политических принципах толерантности, политкорректности и мультикультурализма, но и распространением комплексного идейного течения (мировоззрения) постмодернизма, выразившего

³ Подробнее об исторических формах глобализации см. **Гранин Ю. Д.** Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. № 1. С. 90—103.

⁴ Не вдаваясь в дебри дискуссий о содержании понятий «постмодерн» и «постмодернизм», под «постмодерном» автор предлагает понимать историческую эпоху в развитии евроатлантической цивилизации, последовавшую за эпохой «модерна» и начавшуюся в конце 1960-х годов. А под «постмодернизмом» — не какое-то отдельное течение в литературе, архитектуре, науке, философии и т. д., а общее выражение мировоззрения эпохи «постмодерна».

трансформацию духовности евроатлантической цивилизации, ее отказа от ценностей христианства и Просвещения. Вместе они формируют массовую культуру «глобального потребителя», экспансия которой вызвана действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Противостоять символическому насилию евроатлантической масскультуры, ориентированной на «глобальное потребление», полагает автор, способна лишь продуманная государственная политика, сочетающая традицию и современность в горизонте сохранения национальной идентичности.

* * *

История последних десятилетий, отмеченная финансово-экономической, политической и культурной глобализацией человечества, поставила народы многих стран мира перед проблемой сохранения прежних и поиска новых идентичностей. Кризис идентичности, отмечает С. Хантингтон, охватил все крупные государства Европы, Азии и Америки. В итоге почти повсеместно, не исключая США и России, идет процесс фрагментации национальной идентичности, которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным» из-за открытости границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих интегрироваться в национальную культуру⁵.

В современной литературе представлено множество типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». В качестве фундаментальных признаются расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей.

Каждый индивид является носителем комплекса многочисленных, иерархически связанных идентичностей, часть из которых актуализируется вместе с изменением географического, политического и социокультурного пространства его жизни. Но поскольку процедуры индивидуальной идентификации осуществляются в чувственно-эмоциональной и когнитивной формах, включая в себя мысленное отнесение к той или иной группе, содержание полученного в акте самосознания ответа на вопрос «Кто Я (Мы)?» в полной мере зависит от ценностно-оценочных представлений и знаний о «Них», «Других». В конечном счете идентичности представляют собой индивидуальные и групповые конструкты — вербализованные результаты отнесения к «воображенным общностям» (Б. Андерсон). Они определяются, в свою очередь, предшествующим воспитанием, образовательным и культурным багажом, наличествуя-

⁵ См. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 36.

щим в данный момент окружением: политическими ландшафтами, информационными и культурными пространствами, в которые индивиды и группы вынужденно помещены и в которых они существуют.

Поэтому угрозы национальной идентичности в эпоху глобальных трансформаций исходят не только от потока инокультурных мигрантов, этнокультурного и политического сепаратизма. В современном мире интеллектуальные, политические и культурные вызовы национальной идентичности идут от целенаправленно развивающегося глобального экономического, политического и информационно-культурного (символического) «насилия», властно формирующего новые — транснациональные (культурные и политические) идентичности и реанимирующего старые — архаичные (субнациональные, мифопоэтические, религиозные) идентификации. Их сочетания в индивидах и группах весьма причудливы, экзотичны и разнообразны в той мере, в какой разнообразны экономические, политические и культурные параметры жизни государств и народов, включенных в глобализацию — всемирно-исторический процесс, содержание которого требует концептуальных уточнений.

Не вступая в полемику о содержании термина «глобализация», по поводу которого до сих пор идут оживленные дискуссии, отмечу лишь одно принципиальное обстоятельство — всемирно-исторический характер этой мегатенденции к поэтапному объединению человечества. Ее осуществление на протяжении столетий реализовывалось в череде многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития⁶. Итогом таких попыток оказывались временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций. Политической формой их существования в большинстве случаев стала «империя» — мощнейшее средство «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий. Так, параллельно и сменяя друг друга в качестве лидеров, на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «индийская», «эллино-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и «евроатлантическая» формы и векторы глобализации, соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития.

Ни одна из исторических попыток глобализации человечества не увенчалась полным триумфом. Но каждая способствовала экономическим, политическим и культурным трансформациям населяющих регионы социумов, увеличивала число и протяженность транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций. Каждая содействовала переносу за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений ли-

⁶ В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.

тературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни, распространению знаний и артефактов.

Наиболее масштабной и успешной оказалась выросшая из западно-европейской «евроатлантическая» форма глобализации, завершившая процесс становления всемирной истории. Ее формирование и развитие было связано не только с появлением и распространением в пределах и за пределы Европы в XVII—XIX столетиях новых форм и институтов экономического развития, но и с формированием и распространением новых политических форм общежития и новых социальных общностей — «национальных государств» и «наций»⁷. По сути, эта историческая форма глобализации представляла собой «модернистский проект» — была органически связана с идеалами Просвещения, гарантирующими оптимальное (национальное) устройство пространства совместной жизни лингвистически, конфессионально и культурно разных народов в Европе и за ее пределами на основе не традиций, а рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы». Однако проект модернизма, с характерным для него обожествлением и верой во всемогущество человеческого разума, уже в конце XIX века был сначала подточен ницшеанством, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структурализмом в первой половине XX века и почти совсем разрушен во второй половине минувшего столетия культурным и философским постмодернизмом.

* * *

Характерной чертой этого мировоззрения, формирование которого началось в 1960-х годах на волне кризиса «старых» западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, в ходе борьбы за права и свободы расовых меньшинств в США — с одной стороны и деколонизации мира — с другой, стала *установка стратегического релятивизма*, поставившего под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна. После вступления США, Канады и Западной Европы в постиндустриальную фазу развития, обеспечившую беспрецедентный экономический рост и формирование в этих странах «общества потребления», она была поддержана политическими и экономическими транснациональными элитами, абсолютизовавшими идею «свободы» от государственного регулирования не только экономики, но и от других унаследованных из эпохи модерна (традиционных) форм общежития. Так возникла «постсовременность» (постмодерн) с ее культом «личной свободы» и абсолютизацией «равенства», выразителем которой стал «постмодернизм».

Подняв на щит идею равноценности и равноправия всех истин, всех культур и идентичностей, постмодернизм бросил интеллектуальный

⁷ См. Гранин Ю. Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. М., 2013. С. 157—190.

вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение, повторю, были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евроатлантической цивилизации: классическая наука, с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям, и культура модерна, с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на «эпистемический поворот» — переход к новой теоретической оптике, характеризуемой отказом от парадигмальных образцов естествознания и равноправностью дискурсов любого рода, а в культуре — на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию.

Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодернизм противопоставляет якобы естественную плюральность последнего — растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований: «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т. п. Тем самым в культурное пространство современного Запада возвратились, казалось бы, давно вытесненные из него архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия. Вырос интерес к противопоставляемой национальной расовой и этнической реальности, маргинальным объектам и ситуациям — языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, «безумию», «порнографии», «однополым бракам» и «сексуальному насилию».

В результате использования характерных для постмодернизма интеллектуальных стратегий децентрации и деконструкции разрушению подвергается выстроенное наукой в эпоху модерна западоцентричное (евроатлантическое) представление о характере становления и эволюции всемирной истории, ее разделение на политически, экономически и культурно «развитый» центр (Запад) и догоняющие его «периферию» и «полупериферию».

В результате использования характерных для постмодернизма интеллектуальных стратегий децентрации и деконструкции разрушению подвергается выстроенное наукой в эпоху модерна западоцентричное (евроатлантическое) представление о характере становления и эволюции всемирной истории, ее разделение на политически, экономически

и культурно «развитый» центр (Запад) и догоняющие его «периферию» и «полупериферию». В исторических и социальных науках появилось мощное интеллектуальное направление реориентализма, объявившее о необходимости выхода за пределы абстрактного универсализма и «логики евроатлантической модерности» (отмеченной колониализмом и имперским различием) в пространство «глобальной истории», «контр-» и «транс-» модерности, будто бы позволяющее создавать не менее эффективные, чем евроатлантические, теоретические проекты и модели развития, постепенно ведущие, как считают, к нерепрессивной по отношению к «отставшим» народам глобализации.

В связи с этим имеет смысл зафиксировать два наблюдения. Вряд ли кто-то усомнится, что в русле реориентализма/постмодернизма были достигнуты впечатляющие результаты. Парадигма «трансубъектности» Г. Ансальдуа, феномен «межсекционности» (связанный с пересечением и слиянием в опыте небелых женщин расовой дискриминации с гендерной, классовой и сексуальной), проанализированный афроамериканкой К. Креншоу, концепции «преодоления хюбриса нулевой точки»⁸ колумбийца С. Кастро-Гомеса и «трансмодерности» Э. Дусселя, концепция «ситуативных знаний и идентичностей» Д. Харрауэй, методология «порабощенных» Ч. Сандоваль и «игровая идентичность» М. Лугонес, концепция «реляционной этики и идентичности» сапатистов и плюралистическая герменевтика В. Миньоло — все это, безусловно, расширило и обогатило пространство интеллектуального поиска.

Вместе с тем настораживает безоговорочное отторжение отечественными адептами постмодернистской философии и методологии модернистского дискурса. Они пишут о наличии в нем «европейских имперских категорий», которые якобы «современная эпистемология вышвырнула как ненужные»; об отсутствии в нем «оригинальных мыслительных традиций, к которым можно было бы вернуться»; призывают к размежеванию с риторикой модерности, к акту «эпистемологического неповиновения». «Без этого шага, — пишет М. В. Глостанова, — деколонизация сознания и бытия окажется невозможной, и мы останемся в рамках внутренней оппозиции европоцентричным идеям модерности». Но вот если мы сделаем этот шаг, научившись «забывать все то, чему нас учили прежде, освобождаясь от мыслительных программ, навязанных нам образованием, культурой, средой, отмеченной имперским разумом», тогда изменятся «география и биография разума и знания, возникнет

⁸ «Хюбрис нулевой точки отсчета» — выражение, введенное С. Кастро-Гомесом для характеристики европейской (модерной) системы производства знания, основанной на предпосланных ей колониальных и имперских эпистемологических различиях «современного» (научного) и «иного» (традиционного, варварского) бытия и познания. Научная мысль в рамках этой логики модерности позиционируется как единственно признанная форма продуцирования знания, а Европа получает эпистемологическое превосходство над всеми другими культурами. Хюбрис нулевой точки отсчета — это место обзора и пространство провозглашения, которое в христианстве принадлежало Богу, а в европейской светской философии — Разуму. Подробнее об упомянутых концепциях см. **Глостанова М. В.** Доколониальные гендерные эпистемологии. М., 2009. — <http://do.gendocs.ru/docs/index-11944.html>.

трансэпистемологическое взаимопроникновение и полилог», которые будут способствовать созданию трансмодерного мира, где «не будет господствовать идея агона как смертельного соревнования»⁹.

Неужели автор приведенных высказываний всерьез полагает, что неравенство, дискриминация и борьба в современном мире вызываются только наличием «мыслительных программ», отмеченных имперским разумом, отсутствием взаимопонимания и «полилога» между людьми, народами и государствами? Если так, то это — типично модернистское утверждение просветительского толка. Миллиарды людей на Земле живут, не подозревая о «пограничном гносисе, связанном с плюритопической герменевтикой». К кому же тогда обращены эти призывы? К философам? Но если бы вдруг во главе всех правительств стали, не дай бог, философы, то и тогда полилог не состоялся бы в силу различия теоретических позиций и личных пристрастий.

Не вдаваясь в нюансы научных споров ориенталистов и реориенталистов, отмечу, что последние тяготеют к идее критического космополитизма, якобы преодолевающего «культурный империализм» евроатлантической формы глобализации, историческими субъектами которой выступали и выступают ведущие национальные государства Запада и созданные при их покровительстве и поддержке крупнейшие транснациональные корпорации (ТНК). Поэтому нации и национальные государства объявляются устаревшими формами общежития. В такой оценке с ними солидарны объявляющие нации и национализм фиктивными теоретическими конструкциями Р. Брубейкер, Э. Гидденс, К. Вердери и другие представители европейского неоконструктивизма, неолиберальные политики и экономисты (К. Омаэ, Дж. Сорос, З. Бжезинский), многочисленные политологи, некоторые другие известные мыслители. В этом споре все точки над «i», конечно, расставит будущее. Но интеллектуальные вызовы национальной идентичности в превращенной форме фиксируют некоторые объективные тенденции современной глобализации, сложившиеся благодаря формированию массовой мультикультурной среды существования, появление которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

* * *

Попадая в пространство Интернета, других СМИ, в кино и театры, концерты и супермаркеты, удивляешься многообразию и эстетическому плюрализму предлагаемых культурных блюд. Здесь, как в слоеном пироге, причудливо перемешаны стили и товары из разных стран мира, пласты вненациональной глобальной культуры, гибридные формы и вновь актуализированные локальные. Не следует, однако, забывать, что

⁹ Тлостанова М. В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2010. Т. IV: Человек в поисках идентичности. М.: РУДН, 2010. С. 216, 217.

большая часть производства продуктов культуры подчинена логике рынка. А потому современная мультикультурная среда — вовсе не пространство свободы. При всем своем разнообразии, а скорее — благодаря ему, она является пространством управляемого потребления, контролируется ТНК, рыночным стратегиям которых плюралистичность культурной среды вполне соответствует. В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации исследователи называют *экзотизацию* специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире. «Неолиберальный мультикультурализм не заинтересован в перераспределении власти и культурного влияния, но, напротив, отвлекает внимание от подобных вопросов путем коммерциализации мультикультуры и превращения ее в товар»¹⁰.

Чрезмерное мультикультурное разнообразие утомляет. Им заполнены СМИ и Интернет. Массовое сознание дезориентируется и сейчас больше соответствует теориям массового общества, чем в то время, когда эти теории создавались. З. Бауман прав, когда характеризует находящуюся в процессе становления глобальную цивилизацию как внешне фрагментированную, но, по сути, подконтрольную¹¹. Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментизации культуры гражданская и культурная идентификации осуществляются через потребление¹². Н. Стивенсон уточняет принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современности: она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. Сам этот доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде специфическую идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с конвейера, поставлена на поток. В свою очередь, растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу.

Массовая культура так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, формирующий новую *идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того — «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая борьба становится все в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание. Отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения

¹⁰ Глобализация и мультикультурализм. М.: РГГУ, 2005. С. 185.

¹¹ См. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Праксис, 2002. С.178.

¹² См. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика : Культурная революция, 2006.

этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

Но мультикультурализм — это не только имманентная часть стратегии глобального доминирования ТНК, большинство которых имеют прописку в странах G—7, но и важная составляющая политики многих государств по адаптации мигрантов. В качестве политического концепта, отмечают исследователи, это философско-политическая идейная система, политический проект, постулирующий культурную неоднородность в качестве стержневого принципа организации социума. «Это глубоко современный концепт как по историческому контексту своего возникновения, так и по идейно-ценностной нагрузке, которую он несет. Ибо в своей логике это концепт глубоко постмодернистский, даже если парадоксальным образом он стимулирует проникновение в западные “постмодернистские” общества элементов раннего модерна, домодерна и архаики»¹³.

Постмодернистские корни определяют своего рода генетический код современного мультикультурализма, его глубинный смысл, «месседж», посылаемый либеральными конструкторами концепта различным иммигрантским общинам (прежде всего исламским, но не только), в значительной части в принципе не ориентированных не только на культурную, но и социальную, правовую, политическую интеграцию. Такие общины сохраняют собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах Европы, создают собственную «этническую экономику». Граждански многие члены этих общин склонны ассоциировать себя с государствами происхождения, даже натурализуясь и становясь участниками политического процесса в европейских странах.

Казалось бы, стремительный рост переселенцев в США и Европу, не желающих интегрироваться, занимающих нижние этажи социальной лестницы и пополняющих ряды криминала, должен был вызвать массовые протесты коренных граждан и политического класса. Но их сдерживают пресловутые «толерантность» и «политкорректность», формирующие, по сути, эзопов язык, который рекомендуется употреблять во многих странах Запада. Так, в рамках концепции политкорректности запрещается поздравлять родных и близких с Рождеством Христовым, поскольку это способно-де оскорбить атеистов и представителей других религий (как будто бы непонятно, что те и без того не празднуют Рождество!). Негра запрещено называть негром, черным, чернокожим и т. п. — он становится афроамериканцем. «Толстый человек» — тоже ненормативное в рамках политкорректного новояза выражение, он — «развивающийся горизонтально», «маленький» — «вертикально недораз-

¹³ Нарочницкая Е. Мультикультурализм как философско-политическая концепция // Перспективы. — www.perspektivy.info/oykumena/kotel/multikulturalizm_kak_filosofsko-politicheskaja_koncepcija_2013-12-12.htm

витый», а «жулик» — «этически не ориентирующийся». И так до бесконечности.

Над всем этим можно было бы лишь посмеяться, если бы не вполне реальные юридические последствия для журналистов и представителей других профессий, которые призваны называть вещи своими именами. Вот что заявила, например, несколько лет назад в интервью газете «Московские новости» постоянный секретарь Французской академии, историк с мировым именем Элен Каррер д'Анкосс: «Французское телевидение настолько политически корректно, что это просто кошмар. У нас есть законы, которые трудно себе представить даже при Сталине. Вы пойдете в тюрьму, если скажете, что по телевидению показывали 5 евреев или 10 черных. Люди не могут выразить свое мнение об этнических группах, о Второй мировой войне и многих других вещах».

Но дело не только в юридической практике, явившейся уродливым выражением политики борьбы за голоса всех и всяческих, в том числе сексуальных, меньшинств. Есть и другие причины, по которым следует подвергнуть принцип политкорректности остракизму.

Во-первых, главным недостатком политкорректности является ее противоречие основополагающему принципу демократии — принципу свободы слова. Политические лоббисты политкорректности ввели цензуру на свободу и точность выражения мнений.

Во-вторых, методологическим основанием идеологии, политики и практики политкорректности является теоретически сомнительная гипотеза лингвистической относительности Сепира—Уорфа. Согласно этой гипотезе, у людей картина мира в значительной степени определяется системой языка, на котором они говорят. Грамматические и семантические категории языка являются не только инструментами для передачи мыслей говорящего, но и управляют мыслительной деятельностью, формируя идеи человека, а через это — и объективную социальную реальность. После публикации этой гипотезы в 1934 году последовал ряд исследований мышления людей, говорящих на принципиально различных языках (американских индейцев, полинезийцев и эскимосов). Эти исследования продемонстрировали, что язык действительно накладывает определенный отпечаток на характер мышления представителей говорящего на нем сообщества, что и так достаточно очевидно. Однако твердого, признанного академической лингвистикой доказательства гипотеза Сепира—Уорфа так не получила.

В-третьих, колоссальным недостатком практики политкорректности является уже отмеченная абсолютизация принципа толерантности, выводящая за пределы оценки не только этически и культурно сомнительные, но и уголовно преследуемые деяния.

Если бы не усилия американских, а вслед за ними — немецких феминисток, в западном либеральном мире не распространялось бы, как снежный ком, массовое открытие гей-, лесбийских и подобных клубов, не появилась бы лояльность к одним из наиболее омерзительных преступников — педофилам, не практиковалась бы в массовом масштабе «коррекция» пола и сексуальной ориентации. «Поневоле заподоз-

ришь, — справедливо отмечает К. С. Шаров, — что вовсе не гендерно-нейтральный новояз формирует новую политкорректную социальную реальность, терпимую ко всему, а определенные феминистские и иные сочувствующие им политические круги пытаются выдумать этот новояз как удачное прикрытие для их социальных амбиций. При прочих равных условиях во Франции, Великобритании или скандинавских странах на работу возьмут женщину, а не мужчину. В Швеции или Дании при одинаковом балле на вступительных экзаменах в вуз возьмут человека, отметившего в анкете, что он «сексуально нетрадиционно ориентирован», а нормальный будет изгнан вон. Самой социально защищенной фигурой в США является неработающая черная лесбиянка, которая в прошлом была мужчиной (она получает от государства пособие в 6500 \$/мес.)»¹⁴.

Эти и другие примеры свидетельствуют об очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евроатлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер. Подтверждение этого — усиливающийся тренд легализации содомизма. Сегодня однополые браки легализованы в 16 странах мира, а также в некоторых штатах США и Мексики. Среди них — протестантские Нидерланды, Бельгия, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Дания, Великобритания, Новая Зеландия и католические Испания, Португалия, Исландия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Франция.

Но и это, увы, не все. Современные европейские ценности включают толерантность к совсем уж диким (то есть нецивилизованным) формам общественного бытия. Ведущие голландского молодежного телешоу «Proefkonijnen» («Подопытные свинки») Деннис Сторм (Dennis Storm) и Валерио Зено (Valerio Zeno) в эфире своей телепередачи дошли до того, что попробовали по кусочку мяса друг друга. Оба телеведущих перенесли перед эфиром небольшую операцию: у Сторма хирурги отрезали небольшой кусок плоти с ягодиц, а у Зено — с живота. После этого мясо было тщательно прожарено, и ведущие съели его в студии на глазах у телезрителей. Как пишет «The Daily Mail», Сторм и Зено заявили, что в человечине «нет ничего особенного», хотя и отказались комментировать вкус мяса. Вопрос о том, какова на вкус человеческая плоть, стал темой для премьерного выпуска передачи, а также широкого обсуждения на форумах¹⁵.

Недалеко ушли от этого и организаторы рекламной акции компании Сарсом в преддверии выхода шестого эпизода популярной игры «Обитель зла», открыв мясную лавку для любителей человечины в Смитфилде, на востоке Лондона. Мясо было все съедобное, хотя на самом деле не принадлежало людям и было закамуфлировано под различные части и органы человеческого тела. Все они были старательно приготовлены кулинарной художницей Шэрон Бейкер из свинины и говядины. Жуткий вид товара не помешал поклонникам игры и фанатам темы зомби

¹⁴ Шаров К. С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 41.

¹⁵ См. www.youtube.com/watch?v=IzS6mrdYPI0

приобретать товар по весьма завышенным ценам. До недавнего времени Смитфилд был обычным мясным рынком в Лондоне. Важно отметить, что доход от продажи «человечины» (не иначе как с особым цинизмом) был направлен в благотворительную организацию — в помощь инвалидам, которые потеряли свои конечности.

Подобные перфомансы и креативы — а именно так все это именуется инициаторами, по сути, являются пошаговым приучением Запада к толерантности по отношению не только к каннибализму, но и к нарушению других фундаментальных цивилизационных табу. Таким абсолютным табу, например, практически во всех культурах являлся инцест. Однако в ЕС уже началось обсуждение легализации инцеста¹⁶. Некоторые европейские политики открыто в прессе и на ТВ представляют инцест как европейскую «гендерную норму». При этом по аналогии с «гомофобией» предлагается ввести понятие «инцестобия», за проявления которой следует, мол, наказывать. Одновременно с этим в некоторых странах Евросоюза обсуждают и легализацию педофилии. К этому стоит добавить специфические программы обязательного раннего сексуального просвещения, которые широко обсуждались общественностью. Каковы же в этом контексте перспективы сохранения и развития национальных и многонациональных государств?

* * *

Хотя ведущие национальные государства Запада остаются основными субъектами глобальной экономики и политики, продолжая выращивать и контролировать на своих территориях глобальные ТНК, и даже обрели новые функции¹⁷, в грядущих цивилизационных битвах их ждет незавидная судьба «самоупражнения» в ходе тотального изменения культурно-национального ландшафта. После выхода в свет скандальной, но при этом во многом пророческой книги Тило Сарацина «Германия упраздняет себя», о необходимости отказа от политики мультикультурализма стали откровенно говорить не только ученые интеллектуалы (Н. Больц, М. Вевьорка, Дж. Сартори, П. Нольте, Г. Хайнсон и др.), но и ведущие государственные деятели (А. Меркель, Д. Кэмерон и Н. Саркози). Их официальные заявления на этот счет в 2010–2011 годах о «крахе мультикультурализма» произвели эффект разорвавшейся бомбы. Тем не менее значительных политических последствий этот демарш до сих пор не возымел. Поэтому перспективы отказа Запада от принципов мультикультурности, толерантности и политкорректности многие связывают с приходом к власти «неоконсерваторов», делающих ставку на традиционные ценности — семейные, гражданские и национальные. «Они бьют тревогу, показывая, что современные демографические процессы в развитых странах, неразрывно связанные с необратимыми изменениями морального климата, могут привести

¹⁶ См. www.odnako.org/blogs/o-legalizacii-incesta/

¹⁷ О них см. **Гранин Ю. Д.** Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб., 2014. С. 183–191.

к гибели традиционной Европы в ходе тотального изменения ее национально-культурного ландшафта»¹⁸.

Это может угрожать и России, перспективы которой как особой локальной цивилизации, так и не преодолевшей противостояние западников и славянофилов, но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Ряд действительно общезначимых евроатлантических ценностей и институтов в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а многие собственные традиции сведены к этнографически рудиментарному состоянию. Они объединены сегодня по принципу «абсурдной дополнительной», а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть.

Если массовая культура современной Японии представляет собой «кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе. Свидетельство тому — наше телевидение. Формально государство взяло под контроль важнейшие эфирные каналы. Но почему тогда, спрашивается, в сетке вещания Первого канала, «России 1», ТВ Центра, НТВ, ТНТ и пр. продолжают преобладать американские боевики, низкопробные сериалы и многочисленные ток-шоу и реалити-шоу? Почему с телеэкранов льются высосанные из пальца сенсации и скандалы, пропагандируются «мистические истории», «битвы экстрасенсов», «Х-версии» и другая псевдонаучная чушь?

Рационально объяснить это можно как минимум двумя причинами: либо госструктуры, имеющие контрольные пакеты акций в указанных телекомпаниях, не контролируют произведенный ими телеконтент; либо он их вполне устраивает, поскольку соответствует культурному багажу самих госчиновников. Последнее могло бы показаться абсурдным, если бы не опыт недавних российских модернизаций («реформ» в сфере образования и науки). А так все происходящее оказывается закономерным в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Неслучайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных «элитах» даже не хочется говорить: они вообще утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки.

Особенно удручает отсутствие стратегии национальной политики Российской Федерации. В 2010 году эта задача была возложена на Министерство регионального развития. Тогда концепцию национальной

¹⁸ **Ионин Л. Г.** Конец мультикультурной эпохи // Перспективы. — www.perspektivy.info/oikumena/kotel/konec_multikulturnoj_epohi_2010-12-13.htm

политики России, как отметил бывший министр регионального развития В. Ф. Басаргин, «посмотрели, причем со всеми согласовали, и в итоге положили на полку»¹⁹. Позже, однако, президентским указом от 5 июня 2012 года за № 776 был создан Совет при Президенте РФ по международным отношениям. Первостепенной задачей этого совещательного органа является «рассмотрение концептуальных основ, целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации, определение способов, форм и этапов ее реализации»²⁰. В число этих концептуальных основ, на мой взгляд, должен быть включен вопрос о формировании российской нации и, соответственно, России как «национального государства». Но с этим не все согласны.

Так, по мнению члена нового Совета при Президенте РФ по международным отношениям, директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова и его последователей, которые, надо думать, концептуальные основы новой национальной политики и будут разрабатывать, вопрос о формировании «русской нации» — риторический. Запомню о том, что еще недавно они предлагали вообще отказаться от термина «нация» («забыть о нации»), теперь они же утверждают, что современная Россия (как США, Великобритания, Испания и др.) — это «нация наций». При таком подходе, изначально предполагающем существование российской нации как гражданской (но не культурно-лингвистической!) общности, проблема ее формирования автоматически выносится за скобки.

А вместе с ней уходит на периферию внимания мощный всплеск региональных и этнических идентичностей, укрепление и расцвет которых, особенно на Северном Кавказе, происходит пропорционально вытеснению русскоязычного населения из «национальных республик». Так что в условиях неразвитости гражданского общества и правосознания (а кое-где они просто заменены нормативами родовых отношений) сравнивать Российскую Федерацию с США, Францией или Великобританией некорректно. Ошибочно также делать ставку лишь на гражданскую идентичность: в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных *только* узлами общего гражданства. И распадающаяся Украина тому пример. В действительности «нация» — это появившаяся лишь в XVIII—XIX столетиях *исторически новая общность людей*, связанных между собой в сообщество не только общим гражданством, но и общей исторической памятью, общим языком и общей культурой²¹. Об этом следовало бы помнить.

И обратить внимание на то, что, благодаря усилиям этнонационалистов, в 1990-х годах в России оформились, а затем укрепились тенденции

¹⁹ Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 года, Москва, Кремль. — http://state.kremlin.ru/state_council/9913

²⁰ Встреча с членами Совета по международным отношениям. 9 июня 2012 года, Санкт-Петербург. — <http://state.kremlin.ru/face/15609>

²¹ Подробнее см. **Гранин Ю. Д.** Национальное государство в глобализирующемся мире. М., 2014. С. 335–356.

регионализации и партикуляризации высшего образования, повлекшие за собой серьезные изменения в образовательных программах и курсах гуманитарных наук (история, политология, социология, философия) многих республик России. Эти изменения касаются, прежде всего, так называемого регионального компонента образования, под видом которого зачастую проводится псевдонаучное обоснование верховенства того или иного «титального» («коренного») этноса. Этнонационализм, источником и распространителем которого была и остается, прежде всего, местная интеллигенция, препятствует строительству в России национального государства. Что делать?

Надо, думается, продолжить начатый В. Путиным «консервативный поворот» в области культурного наследия и, не ограничиваясь созданием единого федерального учебника по истории, единого государственного экзамена на русском языке, смело двигаться дальше. Во-первых, *необходимо создать общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи*. Во-вторых, *ввести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования*. И наконец — осуществив этнически независимую экспертизу, *привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России*, где на протяжении последних лет явно доминируют националистические тенденции и сюжеты.

Миллионы представителей черной, белой, желтой и красной рас в США и многих странах Европы с гордостью говорят: «мы — американцы» или «мы — французы». А у нас подавляющее большинство населения продолжает идентифицировать себя только или прежде всего в качестве «русских», «татар», «якутов» или, допустим, «чеченцев», и лишь потом — в качестве «граждан Российской Федерации». И это свидетельствует о том, что многоязычная и мультикультурная Россия не застрахована от распада: этническое самосознание в умах миллионов все еще доминирует над национальным. Следовательно, вопрос о формировании российской нации должен быть безотлагательно включен в повестку дня. ◆